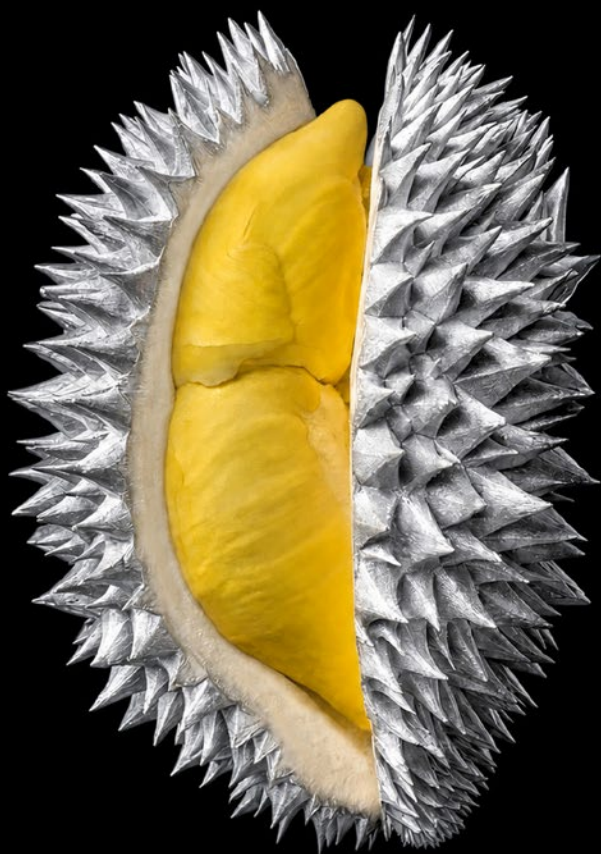

Я не побоюсь твоей тьмы...

ЛЮБОВЬ БЕЗУМЦА

АГНИЯ АРРО

АГНИЯ АРРО

ЛЮБОВЬ БЕЗУМЦА

ГЛАВА 1

Тика

КЛАЦНУВ ЗУБАМИ, ШИРОКО улыбаюсь — знаю, как противника это бесит. Капу я оставил в раздевалке, понимая, против кого выхожу сегодня на ринг. Да и вообще, я же чокнутый, а защита для слабаков. Чем ты уязвимее, тем внимательнее — и тем больше эмоций и адреналина получаешь от процесса. Зубы, конечно, можно вставить, но не допустить того, чтобы их выбили, — вот где в нашем деле настоящее искусство.

Бесится мой соперник шикарно. Он похож на разъяренного быка, перед которым машут красной тряпкой. Глаза налиты кровью, ноздри подрагивают, брови уже почти слиплись на переносице. Это дает мне повод улыбнуться еще шире и спровоцировать его на атаку.

Народ в любимой «Клетке» благодарен за шоу. Здесь такое обожают и готовы платить за мощные эмоции дополнительными ставками. Дяденьки и тетеньки с большими деньгами устают от официальных встреч, офисов и дорогих костюмов. В нашем Аду только мы носим маски — остальные оставляют их на входе, превращаясь в сумасшедшую толпу, жаждущую крови.

Меня тоже переполняют эмоции. Я выхожу на этот ринг именно за ними — на остальное мне наплевать. Выжимаю максимум из сегодняшнего боя. Эмоционально выматываю противника. Помнится, бог Локи был тем еще придурком. Я знаю, что с недавних пор в «Клетке» за глаза меня называют именно так. Даже знаю, с чьей подачи, но против ничего не имею. Пусть эта толпа считает меня богом, я разрешаю. Когда противник заметно теряет в выносливости, легко отправляю его «поспать» на настил и поднимаю кулак, принимая поздравления.

Ведущий подносит микрофон к губам, но я оказываюсь быстрее. Он ошалело моргает, а я хлопаю его по плечу и с микрофоном в руках выбираюсь с ринга, со всех сторон закрытого высокой сеткой: поэтому он и называется клеткой, как сам клуб.

— Gracias, gracias, — обращаюсь ко всем, раскрытой ладонью показывая, чтобы они затихли.

В первом ряду за своим столиком сидит Король этого места, Его Величество Ильхан — владелец «Клетки» и самый неоднозначный человек из тех, кого я встречал на своем пути. Тот еще урод, если честно, но я тоже урод, поэтому мы с ним прекрасно уживаемся. У меня в его заведении много привилегий и свободы, а иначе хрен бы я тут оставался!

— Господа и... да-амы, — тяну я, облизывая губы.

У пары подружек средних лет, сидящих прямо за Ильханом и пожирающих меня взглядом уже минут сорок, наверняка прямо сейчас намокло нижнее белье.

Да-да, это место не только кровавых боев. Некоторые ищут здесь еще и секс. Иногда даже находят,

но я предпочитаю не пачкаться. На большинстве из них я зарабатываю деньги, а потом трачу их на развлечения.

— Сегодня в нашем клубе состоится отвязная вечеринка, — стараюсь быть обаятельным. — Для тех, кто хочет продолжения праздника. Бойцы «Клетки» будут готовы пообщаться с фанатами и особенно с фанатками, — снова добавляю в голос кошачьих интонаций. Молодых и крепких парней тут очень любят. — Спускайтесь в Ад, у нас всегда жарко, — дожимаю их коварным шепотом и бесцеремонно вталкиваю микрофон обратно в руки ведущего.

— Тика! — недовольно шипит тот.

— Расслабься, — еще раз хлопаю его по плечу. — Так было надо.

Подмигиваю и ухожу в душ.

В раздевалке на самом видном месте валяется мой телефон в чехле с яркими граффити. Никто его и пальцем не тронет, если, конечно, не хочет лишиться чего-нибудь более ценного. Вообще слава отморозка и полного придурка здесь сильно помогает. А еще все знают, что я не просто боец — я работаю с Королем, так что...

Беру телефон, ввожу пароль и смеюсь, запрокинув голову:

«Сынок, возьми трубку».

Милое сообщение от матери режет глаза. Я даже тру их кулаком. Когда я в последний раз общался с семьей? Даже напрягаться не хочу, чтобы вспомнить, но матери все же перезваниваю. Продался за «сынка», debil.

— Зачем я тебе понадобился? — Прижав трубку плечом к уху, раздеваюсь и, даже не пытаясь прикрыться полотенцем, иду в душ. — Только давай сразу к делу, я занят. — Мой голос глухим эхом разносится по душевой.

— Ты не допускаешь мысли, что я просто захотела услышать сына? — Ее как будто расстраивает моя реакция.

— Не допускаю. Что нужно сделать? — Открываю воду в свободной кабинке.

— Через два часа открытие моей новой галереи. Ты не мог бы прийти? Будут журналисты и блогеры. Нам нужны свежие семейные фотографии. Тип...

— Не называй меня так, я не ребенок! — огрызаюсь я.

— Хорошо, — вздыхает она. — Ты заедешь? Я пришлю тебе адрес.

— Поиграть в семью? Какое лицемерие. — Морщусь, наблюдая, как мне под ноги падают горячие капли воды.

— Прекрати, ты сам...

— Да-да, я сам, — перебиваю я. — Отец и его любимый сын будут?

Мать замолкает, и я слышу лишь ее дыхание в трубке.

— Нет, они в командировке, — признается она.

— М-м-м. — Я с улыбкой шагаю под воду. Не боюсь, что телефон сдохнет: мы с ним уже много всего прошли вместе. — Теперь все встает на свои места.

— Тихон, я позвонила не потому...

— Ладно, я приеду, — снова перебиваю ее. — Кидай адрес и время. Постараюсь не опоздать. Наверное.

— Костюм...

Сбрасываю, не дослушав. Какой еще нахрен костюм? Я где его тут возьму?

Ополаскиваюсь, прикидываю время на дорогу и одеваюсь. Вместо костюма у меня рваные голубые джинсы, свободная футболка навывпуск и огромные удобные кроссовки. Сверху накидываю куртку и натягиваю поверх кепки капюшон.

К собственной вечеринке в ночном клубе придется присоединиться позже. Вздохнув с сожалением, прыгаю в «мустанг» такого же безумного цвета, как и вся моя жизнь. Включаю музыку на всю и еду прямоком к галерее матери. Она уже много лет занимается произведениями искусства — даже сама пыталась стать художницей, но не хватило таланта. Зато она хорошо разбирается во всем остальном: знает, как показать работы, как продать художников и творцов и самой очень и очень много на этом заработать.

У здания одна за другой паркуются дорогие, но сдержанные тачки. Моя, ярко-зеленая, красочным пятном вклинивается в их ряды.

Замечаю мать в длинном платье и короткой шубке. Она бросает хмурый взгляд на мою машину и бледнеет, увидев дыры на коленях штанов.

Развожу руками: что? Раньше надо было предупредить. Хотя я бы в любом случае не переоделся. Из принципа.

Раскрываю объятия и демонстративно обнимаю родительницу на глазах у пары журналистов. С усмешкой шепчу ей на ухо:

— Я та-а-ак рад тебя видеть, мама.

— Не надо так, — тихо отвечает она. — Я сучала по сыну.

— У тебя только один сын. Так решил твой муж. — Отпускаю ее и встаю рядом, позволяя людям вокруг сделать несколько фотографий.

Официальная часть на улице заканчивается, и мы входим в здание галереи: внутри выставлен профессиональный цвет, официанты как тени скользят между элегантно одетыми гостями: я смотрю по сторонам в поисках интересных вариантов, но картины привлекают меня больше.

Оставляю мать и ухожу рассматривать творения современных художников. По дороге забираю с подноса официанта шампанское, делаю глоток и оставляю бокал на ближайшем столике.

Рассматриваю одну картину, напоминающую застывший взрыв: по черному холсту, подсвеченному изнутри тлеющими углями, мечутся рваные полосы неона, и кажется, что краска до сих пор кипит, не в силах успокоиться. От полотна веет опасной, почти животной свободой, словно художник плескал на холст чистый адреналин. Затем разворачиваюсь, чтобы перейти к другой, и останавливаюсь, только сейчас заметив, что на одной из стен картин нет — там сидят те, кто эти картины создает. Две девушки и несуразный парень. Посетители новой галереи то и дело останавливаются возле них. Делают вид, что им интересно, и идут дальше. А мне действительно интересно...

Я медленно иду вперед и понимаю, что вот уже несколько секунд смотрю только на одну девушку. Она очень странная, похожа на инопланетянку. Лицо с острым подбородком и большими бледно-голубыми глазами. Светлая кожа и тонкие пальцы, перепачканные краской. Кончики русых волос

касаются узкого плеча — наверное, даже слишком узкого для нормального человека. Ее взгляд неподвижен, а я не дышу — меня будто уронили в ледяную воду. Не могу перестать смотреть, как она, глядя только перед собой, макает пальцы в краску и водит ими по холсту.

Она улыбается бледными губами и размазывает очередной цвет подушечками пальцев, будто чувствует его — подносит к лицу, вдыхает запах и снова касается холста. Чертова магия. Я не понимаю, что происходит, но не могу оторвать глаз. Подойти становится страшно — вдруг иллюзия развеется? Я хочу еще на нее посмотреть.

Из оцепенения меня выводит голос матери:

— Моя самая необычная находка.

— Здесь есть что-то из ее картин? — спрашиваю я, не оглядываясь.

— Конечно. Ты стоял возле нее недавно. Вон та. — Взмахом руки она указывает на полотно на стене. Хаос, который мне так чертовски понравился.

— Я хочу ее купить. — Снова переключаю внимание на странную художницу.

Мать смеется:

— Девушку или картину?

— Все!

ГЛАВА 2

Лора

Constanta — Цифей

В ЗАЛЕ ГАЛЕРЕИ играет очень красивая музыка. Я чувствую каждый звук, каждую ноту — они приятной вибрацией откликаются в каждой клеточке моего тела. Я даже прикрываю глаза на несколько секунд, позволяя себе еще больше погрузиться в мелодию, соединиться с ней. Чувствую, как дрожат ресницы, а пальцы сами тянутся к краске. С улыбкой подношу их к лицу, глубоко вдыхаю — пахнет ягодой. «Черника», легко распознаю я, понимая, какой цвет нашла в этот раз. Безошибочно. Я хотела его. Должно быть красиво. Я так чувствую...

Я прикасаюсь к холсту, в деталях представляя линии, которые должны получиться именно в этом месте. Сердце бьется быстрее каждый раз, когда я ощущаю чье-то присутствие слишком близко. Улавливаю аромат парфюма — женского, мужского. По запаху духов можно примерно понять возраст того, кто подошел, чтобы посмотреть на странную девушку. Это помогает мне намного лучше ориентироваться в пространстве.

Я облизываю губы и нахожу салфетки, чтобы хорошенько оттереть руки и попить. Вынимаю из ящичка возле своего стула бутылку с водой. На меня

все еще смотрят. Я улыбаюсь — это ведь мой вечер. Мои работы решили показать людям. Все еще не верится. Я могла лишь мечтать о таком, а теперь сижу здесь, в новой галерее, и, может быть, кто-то даже купит мою картину.

Вдруг моя улыбка сама собой становится шире, а кожа покрывается мурашками. Застываю в попытке понять, что изменилось. Люди, что смотрели на меня, точно ушли. Сейчас рядом никого нет — но острое ощущение, что на меня продолжают смотреть, никуда не девается. Становится не по себе.

И все же здесь есть тот, кто никогда не даст меня в обиду. Стоит вспомнить об этом, и сразу становится спокойно. Я выдыхаю, расслабляюсь и вновь берусь за краски — возвращаюсь в свой космос, где в воображаемом мире много ярких цветов и нежных оттенков, которые я, несмотря на свои проблемы, могу создавать сама. Чувствуя себя волшебницей, вновь с любовью веду пальцами по холсту.

Моих плеч касаются крепкие, горячие ладони самого родного. Арий, мой старший брат, моя сила, глаза и броня, осторожно сжимает ладони, показывая, что он рядом. Наверное, я никого и никогда так не любила, как брата. Родителей я не знаю; меня вырастил Арий — пусть он и всего на пять лет старше. До моих шестнадцати мы жили с дальними родственниками отца, но им было не до слепой девочки и того, кто готов был кинуться в драку за любой косой взгляд в ее сторону. У них есть родные дети, а мы с братом стали лишь обузой и источником некоторого дохода за счет пособий. Как только появилась возможность, Арий забрал меня, и с тех пор мы живем вдвоем. От родителей нам достались

наша квартира и редкие имена. Еще я знаю, что мама тоже рисовала — правда, ее картин не было ни в одной галерее. Мне повезло больше.

— Лора, это потрясающе. — Узнаю Диану, владелицу этого места. — Мы повесим эту картину на место той, что хотят купить.

Что-то очень горячее растекается по животу, напрягая мышцы, и смешивается с новой волной мурашек. Я снова чувствую на себе тот странный, острый взгляд и пытаюсь определить его источник. Терпкий запах мужского парфюма врывается в ноздри...

— Ты слышала? — шепчет на ухо брат. — Это успех, — смеется он, целуя меня в висок.

— Кто покупатель? — Машинально тру друг об друга кончики пальцев. Они липкие от краски, но меня это успокаивает.

— Меня зовут Тика, если это важно, — представляется владелец терпкого парфюма.

Улавливаю каждый полутон его голоса: уверенный, спокойный, сразу проникающий глубоко в разум.

— Странный, — произношу я.

— Кто? Я? — Удивление в голосе парня смешивается с усмешкой.

Я поворачиваю голову на звуки его дыхания:

— Да. Зачем тебе моя картина?

— Понравилась.

— Если расскажешь чем, я тебе ее подарю. — Замираю в ожидании ответа. Вокруг нас снова только музыка.

Арий не вмешивается в диалог, все еще удерживая меня за плечи. Нам нужны деньги, но услы-

шать ответ этого самого Тики мне сейчас гораздо важнее.

Наверное, мне не хочется, чтобы он купил ее из жалости к слепой художнице. Или хочется услышать мнение человека, который, по моим ощущениям, так отличается от других гостей галереи. Эмоций внутри меня становится слишком много. Я приоткрываю рот, а Тика все молчит.

— Я просто куплю эту картину, — наконец отзывается он, и звук тяжелых шагов становится тише, как и запах его парфюма.

— Не обращай внимания, — успокаивает меня Диана. — Все хорошо, пусть заплатит, твоя работа точно этого стоит.

Немного лести, и она тоже уходит.

— Что это было? — спрашивает брат.

— Просто... — Я с легкой улыбкой пожимаю плечами.

— Мне показалось, ты заигрывала с ним. — Арий фыркает, стараясь скрыть братскую ревность.

— Тебе точно показалось. Я хотела услышать особенное мнение. Жаль, что он им не поделился. Но и ничего страшного в этом нет. Мы скоро поедем домой?

— Через час закончится мероприятие. Я отойду, закрою вопрос с покупкой картины. — Он целует меня в макушку и исчезает.

Арий за меня боится, но я не заигрываю с парнями. У меня никогда не было отношений; даже дружить с кем-то сложно, потому что ровесники в какой-то момент забывают о том, что я не вижу, и это становится проблемой для всех. Я привыкла, что у меня есть только брат — ну и, конечно, твор-

чество. Я нашла в этом свое странное, скромное счастье.

Брат забирает меня из галереи. На улице очень свежо, и хочется погулять. Пока мы ходим по улицам, я все пытаюсь понять, зачем тому парню понадобилась моя картина. Что такого он в ней увидел? Совпали ли его мысли с моей идеей? Вряд ли, конечно, — слишком много личного в нее вложено.

— Тебе понравился вечер? — крепче сжав мою руку, интересуется Арий.

— Да, было чудесно. Я рада, что смогла внести свой вклад в наш семейный бюджет. — Смеюсь, почувствовав, как на щеку упала прохладная капля. Начинает моросить дождь: нам приходится развернуться, чтобы вернуться к машине.

— Но чуть не подарила картину незнакомцу, — смеется он. — Иногда логика, которая живет в твоей белобрысой голове, сводит меня с ума.

— Я странная, ты еще не привык? — Капель на моем лице становится больше, и я морщусь.

— Инопланетянка, ага, — забавляется брат. — Осторожно. — Когда я сажусь в машину, он прикладывает ладонь к моей макушке, чтобы защитить голову от удара.

Мы едем домой. Я вожу пальцами по прохладному стеклу, представляя, как сейчас по нему стекают капли дождя, а я их ловлю одну за другой. Становится грустно. Я уже давно не мечтаю, что однажды увижу это. Знаю, что это невозможно, а мечты... Мечты должны сбываться, иначе зачем они существуют? Точно не для того, чтобы разочаровывать и причинять боль.

Дома Арий делает горячий чай и оставляет меня в комнате одну. Я переодеваюсь, забираюсь на кровать и слушаю грозу за окном. Раскаты грома становятся все ближе и сильнее. Я вздрагиваю каждый раз, когда слышу мощный грохот, и снова думаю о проданной картине. На ней изображен мой внутренний мир, и тот странный парень забрал его с собой.

